

И. В. Зимин

Золотой кубок. В поисках утраченного...

В 2013 г. к автору статьи обратились два гражданина Турецкой республики с просьбой провести историческую и если возможно архивную атрибуцию имевшегося у них золотого кубка.

Поиски доказательной истории золотого кубка, последние 10 лет, велись по нескольким направлениям. Во-первых, в деталях восстанавливалась история появления золотого кубка на антикварном рынке. Во-вторых, были проведены различные экспертизы самого артефакта, включая геммологическую и искусствоведческую. При этом экспертизы носили перекрестный характер, что позволило выявить спектр мнений специалистов в различных областях, связанных с золотым кубком. В-третьих, были проведены криминалистические исследования, связанные с историей бытования кубка на антикварном рынке.

Итак, отправной точкой истории появления золотого кубка на антикварном рынке является период с 1920 г. по 1932 г. В этот период золотой кубок приобрел у неустановленных лиц известный греческий антиквар Сотирио Булгари (Sotirio Bulgari, 1857–1932 гг.), магазины которого находились во Франции и Италии.

Вероятно в это же время (с 1920 г. по 1932 г.) золотой кубок был продан антикваром королю Египта и Судана Ахмаду Фуаду I (Fouad I, 1868–1936 гг.). После его смерти, кубок унаследовал преемник — Фарук I (Farouk I, 1920–1965 гг.). О том, что кубок принадлежал королям Египта и Судана свидетельствует особая владельческая метка на внутренней стороне кожаного футляра, в котором хранится золотой кубок.

После июльской революции 1952 г., свергнувшей королевскую династию в Египте, золотой кубок оставался в государственном хранилище вплоть до 1954 г., когда этот артефакт выставили на продажу на аукционе Sothebys, проведенном в Каире, где распродавалось 2.798 лотов из дворцовой коллекции короля Египта Фарука. На этом аукционе золотой ку-

бок был приобретен турецким гражданином, после чего сменил несколько владельцев.

В 2009 г. последний владелец заказал швейцарской компании Gübelin Gem. Lab. всестороннюю экспертизу золотого кубка. Сертификат, выданный лабораторией компании Gübelin (январь 2009 г.), свидетельствует, что артефакт изготовлен из высокопробного чеканного золота, весит 302 грамма и украшен 282 ограненными алмазами, одним полированным изумрудом, двадцатью гелиотропными вставками и двумя вставками из другого зеленого материала. Большая часть алмазов бесцветна, но на ручке кубка закреплен один бриллиант, подкрашенный подложенной под него розовой фольгой. Высота артефакта составляет 13,5 см. Очень важным в материалах экспертизы является свидетельство, что способ огранки бриллиантов на золотом кубке аутентичен технологиям работы с драгоценными камнями, характерными для XVIII в.

Отмечу, что вопросу подлинности, как самого золотого кубка, так и бриллиантов усыпавших его, было уделено особое внимание и эксперты подтвердили принадлежность как кубка, так и бриллиантов к XVIII в. Среди специалистов, подтвердивших аутентичность бриллиантов, упомянем Dr. Karl Vogler (Lab. Edigem); специалиста Sothebys Mr. John Culme, который констатировал, что «бриллианты на кубке могли быть изготовлены в XVIII в.».

В июне 2009 г. геммологическая, искусствоведческая и историческая экспертиза золотого кубка была проведена известным специалистом Сильвией Самани¹. В ее заключении указывается, что золотой кубок «несомненно» изготовлен в мастерской известного ювелира Иереми (Жереми) Позье (Jérémie Pauzié, 1716–1779) и носит все признаки его стилевых решений (стиль рококо) в изготовлении ювелирных изделий. При этом, автором кубка мог быть как сам И. Позье, так и кто-либо из его учеников, работавший под влиянием стиля известного ювелира. Эксперт отмечает, что вещи такого уровня, как правило, встречаются в музейных коллекциях без клейм изготовителя. По мнению эксперта, исследуемый золотой кубок мог быть изготовлен в мастерской И. Позье в период с 1739 по 1762 гг. Важной особенностью ювелирного декора кубка является его восточная пышность, поскольку он буквально усыпан бриллиантами, которые, по ее мнению, также относятся к XVIII в.

Именно эти восточные мотивы подтолкнули Сильвию Самани к заключению, что золотой кубок мог быть изготовлен в Санкт-Петербурге, как

¹ Sylvie Samani, Oxford University certified gemologist GIA Graduate Ecole du Louvre Honorary Vice Chairman of the EU Gem & Jewelry State commission Beijing — China.

дипломатический подарок королю Франции Людовику XV после заключения русско-турецкого мирного договора, подписанного в сентябре 1739 г. в Белграде и завершившего русско-турецкую войну (1735–1739 гг.). Дело в том, что русско-турецкие переговоры о мире происходили при посредничестве французского представителя маркиза де Вильнёва, направленного на переговоры Людовиком XV. При заключении мирного договора 1739 г. стороны, безусловно, обменялись стандартными ювелирными подарками, в число которых, мог входить и золотой кубок.

Автор диссертации о творчестве ювелира И. Позье, Мелани Дравейн (Mélanie Draveny, Женевский университет), соглашается с тем, что исследуемый золотой кубок мог выйти из мастерской И. Позье и что сам великий мастер мог изготовить этот кубок. Исследовательница предполагает, что кубок мог быть изготовлен в период с 1740 по 1762 гг.

Исследователи отмечают, что золотой кубок несет в себе черты ювелирных школ Англии, Германии и Франции. Говоря об этом, следует иметь в виду, что стиль рококо был ювелирным мейнстримом первой половины XVIII в. Кроме этого, ведущими мастерами-ювелирами в Санкт-Петербурге были приехавшие в Россию из разных стран Европы специалисты, в полной мере владевшие техническими и художественными приемами, характерными для указанных европейских стран. Все это вынудило владельца золотого кубка обращаться за экспертными оценками к ведущим специалистам в области ювелирного искусства в различных европейских странах.

Так, профессор Дирк Сондрам (Dirk Syndram) из Дрезденского музея утверждает, что золотой кубок не является работой дрезденских (германских) ювелиров XVIII в. При этом в 1750 г. И. Позье посещал Дрезден, где, вне всякого сомнения, ознакомился с техническими и художественными приемами характерными для изделий немецких ювелиров. Кроме этого, известно, что в мастерской И. Позье в Петербурге работали 6 ювелиров из Дрездена. Эти факты вполне могут объяснить отзвуки «дрезденского ювелирного стиля» в облике золотого кубка.

Специалисты Лувра также заявили, что золотой кубок не является французской работой. При этом известно, что И. Позье в молодые годы учился у французского ювелира Граверо, работавшего в Санкт-Петербурге. Отмечу, что стиль рококо, расцветший во Франции, определял стилистику множества художественных направлений, столь нравившихся российской императрице Елизавете Петровне.

Поскольку в форме кубка звучат и английские мотивы, то владелец кубка обратился к специалистам музея Виктории и Альберта. Эксперты этого

музея также заявили, что золотой кубок не мог быть изготовлен в Англии. Вместе с тем известно, что один из талантливых учеников И. Позье — Луи-Давид Дюваль учился в Лондоне у своего старшего брата — Франсуа Дюваля, который являлся придворным ювелиром английского короля Георга III. Такие переплетения судеб вполне могли привести к появлению «английской формы» золотого кубка.

Стал объектом исследований и кожаный футляр, в котором сегодня хранится золотой кубок. Главный куратор и эксперт по Булгари г-жа Аманда Триосси подтвердила, что золотой кубок проходил через товарные книги антиквара Сотирio Булгари. Она же заявила, что золотой кубок не может быть работой самого С. Булгари. Известно, что для особо ценных вещей, по заказу С. Булгари изготавливались защитные кожаные чехлы. Поэтому можно утверждать, что и для золотого кубка в 1920–1934 гг. был изготовлен подобный защитный чехол, украшенный королевскими лилиями Бурбонов. Кроме этого, королевские лилии на кожаном чехле, перекликаются с цветочными мотивами алмазов, рассыпанных по всей поверхности кубка. Вполне возможно, что кто-то из тех, кто продал золотой кубок С. Булгари знал какие-то семейные предания, так или иначе, связывавшие золотой артефакт с французским королевским домом Бурбонов.

Искусствоведческая экспертиза золотого кубка проводилась сотрудником Государственного Эрмитажа. В экспертном заключении указывается, что «Стилистика декоративных элементов кубка — чеканенных на корпусе рокайлей, цветочных мотивов, характера огранки бриллиантов и их закрепки свидетельствует о том, что кубок был выполнен в середине XVIII в. Единственным центром, полагаем, который может быть рассматриваемым как родина создания этого кубка, это Россия, а точнее — Санкт-Петербург. К середине XVIII в. здесь сложилась вполне самостоятельная школа ювелирного искусства».

Эксперт далее констатирует, что точно определить автора золотого кубка проблематично, однако стилевые решения исследуемого артефакта, несомненно, принадлежат ювелирной школе И. Позье. По мнению эксперта, золотой кубок является подарочной вещью одного первого лица — другому. Что касается датировки изготовления золотого кубка, то эксперт высказывает версию о том, что кубок был изготовлен в 1737 г. и предназначался для фаворита императрицы Анны Иоанновны, графа Эрнста Иоганна Бирона, которого, не без давления России, избрали герцогом Курляндии. Об этом, по мнению эксперта, свидетельствует бриллиантовое изображение вороны на золотом кубке, поскольку Э.-И. Бирон имел изображение воро-

на на своем родовом гербе. Вместе с тем, эксперт подчеркивает, что «это лишь осторожное предположение, тем более, что ворон в гербе Бирона повернут в другую сторону».

В заключение эксперт констатирует, что «кубок представляет собой ювелирное произведение высокого художественного и профессионального уровня, выполненное придворным петербургским ювелиром на рубеже 30-х — 40-х годов XVIII в. С большой долей вероятности можно считать, что он был сделан по заказу высочайшей особы, и предназначался для подарка приближенному лицу».

Историческую экспертизу золотого кубка выполнил автор настоящей статьи. Если принять за основу утверждения искусствоведов, что золотой кубок был изготовлен в России в мастерской ювелира И. Позье, то произошло это, вероятно, во второй половине 1750-х — 1761 гг. При этом следует иметь в виду, что в мастерской И. Позье работал ряд талантливых молодых ювелиров, которые, после отъезда мастера в Швейцарию (1764 г.), длительное время продолжали сотрудничать с императорским двором, выполняя его заказы. К числу таких мастеров можно, прежде всего, отнести Луи-Давида Дюваля (1727–1788), который мог привнести «английские мотивы» в архитектуру кубка.

Наряду с приведенными выше двумя версиями происхождения кубка, можно говорить о третьей, условно названной «французской». Ее отправной точкой служит золотой несессер в форме яйца, подаренный Елизавете Петровне французским послом на Пасху в апреле 1757 г., по распоряжению Людовика XV. Этот артефакт хорошо известен и хранится в коллекции Государственного Эрмитажа. После получения такого изящного подарка, вполне логичен и закономерен был бы «симметричный ответ» со стороны российской императрицы, возможно в виде золотого кубка, также насыщенного символикой и выполненного в совершенно схожей художественной манере. Возможно, слабым отголоском этой версии являются королевские лилии, вытесненные на коже футляра кубка, изготовленного уже в XX в.

Говоря о дипломатических подарках второй половины 1750-х гг., необходимо упомянуть о «контексте эпохи», связанном с началом Семилетней войны (1756–1763). 1 мая 1756 г. в Версале был заключён союз между Австрией и Францией; 31 декабря 1756 г. (11 января 1757 г.) Россия, прервав переговоры с Англией, присоединилась к франко-австрийскому союзу (Петербургский союзный договор с Австрией). В апреле 1757 г. французская армия начала боевые действия против Пруссии. Поэтому драгоценный подарок французского короля Елизавете Петровне на Пасху в апреле 1757 г., вне всякого сомнения, был связан с начавшейся в 1756 г. Семи-

летней войной, в которой Россия являлась союзником Франции. В этот контекст эпохи, вполне вписывается предположение о том, что золотой кубок предназначался в качестве ответного дипломатического подарка французскому королю Людовику XV. Следует подчеркнуть, что золотые кубки с двумя ручками и крышкой в XVIII в. играли роль статусных дипломатических, торжественных подарков, которыми обменивались королевские семьи.

Кроме этого, на золотом кубке имеются хорошо читаемые стилизованные подсолнухи, которые можно интерпретировать, как изображение солнца. Этот рокайльный мотив, повторяющийся 24 раза, вполне мог служить неким намеком, как на прозвище Людовика XIV — «король-солнце» (*Le Roi Soleil*), так и на традиционно абсолютистский характер власти французских королей, выражавшийся этим символом. Как известно, изображение солнца, солнечных лучей, это традиционный мотив ювелиров, работавших на французский королевский двор.

Говоря о ювелирных «намёках» присутствующих на золотом кубке, следует вспомнить и о единственном розовом бриллианте, закреплённом на одной из ручек кубка. Нам представляется вполне обоснованным предположение, что этот розовый бриллиант является неким намеком на официальную фаворитку (с 1745 г.) Людовика XV — маркизу де Помпадур (*marquise de Pompadour*), которая жестко контролировала внешнюю политику Франции.

Говоря о розовом бриллианте, следует иметь в виду, что в 1750-х гг. сложилась устойчивое выражение «стиль помпадур». Это было целое течение в аристократической моде того времени, для которого было характерно использование тканей и аксессуаров различных оттенков розового цвета. И об этом была прекрасно осведомлена, как Елизавета Петровна, всю жизнь следовавшая парижской моде, так и ювелир И. Позье.

Говоря о символике розового бриллианта, упомянем и о символике бриллиантового ворона. Как известно, образ белой вороны — интернационален, и у разных народов имеются о нем легенды и поверья. Можно предположить, что в контексте символики золотого кубка образ белого ворона имеет сугубо позитивное значение, связанное с божественным началом и любовью. Возможно это некий намек на матримониальные планы Петра I, предполагавшего выдать свою дочь Елизавету за наследника французской короны, будущего Людовика XV. Возможно, белый ворон символизирует благодарность императрицы за финансовую и политическую поддержку, столь необходимую Елизавете Петровне накануне переворота 1741 г.

Очень важным является вопрос о причинах, по которым золотой кубок, видимо, так и остался в России. Если следовать предположениям в рамках «французской версии», то золотой кубок был заказан императрицей Елизаветой Петровной придворному ювелиру И. Позье (в мастерской которого работал Л.-Д. Дюваль), в качестве ответного подарка французскому королю Людовику XV. Это могло произойти в период со второй половины 1757 г. по декабрь 1761 г. Золотой кубок был изготовлен И. Позье, но остался в России. Это вполне могло быть связано, как с неровностью в отношениях между Россией и Францией, так и с внезапной кончиной Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г.

Говоря о межгосударственных противоречиях, упомяну, что итоги кампании 1758–1759 гг. в ходе Семилетней войны вызвали взаимное недоверие членов антипрусской коалиции. Россия и Австрия не без оснований подозревали Францию в намерении заключить сепаратный мир. Франция, главным противником которой была Великобритания, склонялась к заключению мира и не соглашалась на присоединение Восточной Пруссии к России. Австрия стремилась использовать русскую армию в своих интересах, что естественно не устраивало Россию. Но неудача англо-французских переговоров помешала выходу Франции из войны.

В результате, под давлением России и Австрии глава французского правительства кардинал Ф. Берни был заменен герцогом Э.Ф. Шуазёлем и между Австрией и Францией был подписан новый Версальский договор (30 декабря 1759 г.) о продолжении войны с Пруссией, к которому 18 марта 1760 г. присоединилась и Россия. Кстати эти перестановки в высших сферах французского королевского двора прошли под жестким давлением маркизы де Помпадур. Вполне возможно, что именно после этих событий и был заказан И. Позье золотой кубок с розовым бриллиантом на ручке. Эти предположения суживают время изготовления золотого кубка до периода с марта 1760 г. по конец 1761 г.

Можно предположить, что кубок не успели отправить во Францию до смерти Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. В результате чего ювелирный дипломатический подарок так и остался в России, поскольку преемник Елизаветы Петровны — император Петр III немедленно прекратил войну с Пруссией. В этой ситуации ни о каком ответном подарке французскому королю не могло быть и речи. Следовательно, время изготовления золотого кубка можно ограничить периодом с 18 марта 1760 г. по 25 декабря 1761 г.

Говоря о золотом кубке, следует иметь в виду, что в коллекции Государственного Эрмитажа имеются несколько подобных артефактов в виде зо-

лотых кубков с крышками, изготовленных в Санкт-Петербурге в XVIII в., неизвестными мастерами.

Безусловно, идеальным вариантом для точной атрибуции исследуемого артефакта, стал бы архивный документ, подтверждающий ту или иную из приведенных версий. В поисках архивных свидетельств, в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) был просмотрен «Список коронных бриллиантов»². Однако, там, в подробных описаниях императорских драгоценностей, ничего подобного золотому кубку нет. При этом следует иметь в виду, что в список коронных бриллиантов не входили личные драгоценности членов императорской фамилии.

В РГИА были просмотрены финансовые материалы Кабинета Ея Императорского Величества с 1741 по 1796 г. При этом за период с 1741 по 1762 г. в РГИА имеются только фрагментарные упоминания об изготовлении тех или иных ювелирных изделий.³ Детально, по годам, имеются финансовые документы, связанные с оплатой ювелирных изделий с 1762 по 1796 г. В результате изысканий в РГИА можно сделать следующие выводы: 1. Заказы на изготовление неких золотых ваз (кубков) имеются, но они крайне редки; 2. Бухгалтерские документы крайне лаконичны по содержанию и идентифицировать по ним, с большой долей вероятности то или иное ювелирное изделие, невозможно.

Тем не менее, в архивных документах имеются упоминания о золотых кубках. Например, в одном из архивных дел встречается упоминание о выдаче золота ювелиру Л.-Д. Дювалю на изготовление кубка: 15 сентября 1767 г.: «купцу Дювалю на дело кубка, золота четыре фунта пятьдесят шесть золотников, на тысяча пятьсот шестьдесят четыре рубля семьдесят пять копеек».⁴ Но в документе нет никаких упоминаний о бриллиантах. Впрочем, можно, предположить, что бриллианты у Л.-Д. Дюваля были свои, поскольку в других архивных делах периодически упоминается, что у Л.-Д. Дюваля Кабинетом Е.И.В. закупались бриллианты. Если перевести вес выданного золота в современную метрическую систему, то получается, что ювелиру выдали 2 кг. 053 гр. С учетом того, что исследуемый кубок

² Список коронных бриллиантов впервые опубликован в книге И. Зимина и А. Солодова «Сокровища российского императорского двора». Москва, 2013.

³ РГИА. — Ф.468. — Оп.1. — Д.3868 Реестр имеющимся в Кабинете именным Указам и писанным разным письмам и запискам с 1741 по 1761 г.

⁴ РГИА. — Ф.468. — Оп.1. — Д.3880. Л.292 об. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1767 г.

(вместе с камнями) весит 302 гр., то это вполне вписывается в тему нашего исследования. По крайней мере, мы можем точно говорить, что в мастерской Л.-Д. Дюваля изготавливали золотые кубки.

Изыскания в архиве Государственного Эрмитажа (ГЭ) были связаны с изучением ранних описей «Галереи драгоценных вещей», составленных в 1789 г. и 1817 г. В описи встречаются упоминания и о золотых кубках. Как правило, на этих кубках имелись вензелевые изображения, которые позволяли уверенно определить их владельцев⁵. Особое внимание в архивных документах привлекло упоминание о «Чашечке с крышечкой золотой с финифтью, по местам осыпана алмазами и изумрудами на верху крышки штучки нет». По крайней мере, мы видим упоминание о золотом кувшинчике с крышкой, украшенном «бриллиантами и изумрудами». При этом, указывается, на утраченное украшение на крышке золотой чаши. Таким образом, в архивных документах ГЭ имеются описания неких золотых кубков («кувшинчиков», «лоделивальников») с крышками, которые вполне могут быть ассоциированы с исследуемым золотым артефактом.

Отдельного рассмотрения заслуживает версия о путях, какими золотой кубок мог оказаться в антикварном магазине С. Булгари в 1920–1934 гг. Вероятнее всего, после свержения династии Романовых в России в феврале 1917 г. многие из членов императорской фамилии озаботились вывозом из России компактных и ценных вещей, коими могли быть только ювелирные изделия. На протяжении весны и лета 1917 г. многие из членов семьи Романовых выехали в свои крымские резиденции. О своей дальнейшей судьбе у них были самые смутные представления, поэтому они старались вывезти на юг, прежде всего, свои коллекции ювелирных изделий. К октябрю 1917 г., когда к власти в Петрограде пришли большевики многие из великих князей и княгинь уже находились в Крыму. Там они оставались вплоть до апреля 1919 г., пока английский король Георг VII не прислал в Крым военный корабль «Мальборо» для эвакуации вдовствующей императрицы Марии Федоровны и ее родственников. По свидетельству очевидцев на «Мальборо» было погружено огромное количество самых разнообразных вещей. Более чем вероятно, что среди вывозимых драгоценностей находился и золотой кубок.⁶

⁵ Архив ГЭ. — Фонд I. — Опись 4. — Лит. 3. — Дело 9. — Лист 47; Там же. Л. 62; Архив ГЭ. — Фонд I. — Дело 10. — Опись 6. — Лит. 3. — Л.83 об.; Архив ГЭ. — Фонд I. — Дело 8. — Опись 6. — Лит. 3. 1817–1837. — Л. 50; Там же. Л. 60.

⁶ См. подробнее: Зимин, И. В. Царские деньги. М., 2011.

Вероятно именно тогда — в 1919 г. на крышке золотого кубка появились клейма Совы и Лебедя. Эти клейма использовались французским правительством в период 1893–1962 гг. для импортируемых товаров из ряда стран, к которым относились: Бразилия, Канада, Китай, Америка, Эстония, Финляндия, Венгрия, Латвия, Перу, Польша и Россия. С учетом контекста времени и ситуации, можно уверенно предполагать, что золотой кубок прибыл во Францию из России. Отмечу и то, что у клейм Совы и Лебедя имеется ряд особенностей, указывающих на тот или иной портовый город. Исходя из этого, можно предположить, что золотой кубок прибыл во Францию либо из порта Монако, либо из порта Ниццы. Как известно из многочисленных мемуаров именно туда прибывали члены российской императорской семьи, бежавшие от большевиков в Европу. Однако подтвердить это предположение соответствующими таможенными документами не удалось, поскольку они оказались утраченными.

Возвращаясь к проблеме всесторонних экспертиз золотого кубка, отмечу их основательность и почти полное единодушие. Специалисты крупнейших музеев, таких как Государственный Эрмитаж, Kunsthistorisches, Topkapı Palace, Etnorafya, V&A — утверждают, что рассматриваемый артефакт был изготовлен в XVIII в. Ведущие специалисты в области ювелирного искусства также в абсолютном большинстве считают, исследуемый ювелирный артефакт работой XVIII в. Среди них — Nicholas Nicholson, Anthony Phillips, Jean Sloane, Lisa M. Stockhammer, Silvie Samani, Mélanie Draveny.

Таким образом, можно предположить, что золотой кубок был изготовлен в России, в период с марта 1760 г. по декабрь 1761 г. в мастерской ювелира И. Позье. Кубок предназначался в качестве дипломатического подарка императрицы Елизаветы Петровны французскому королю Людовику XV. В силу ряда причин золотой кубок оставался в России вплоть до апреля 1919 г. После того, как часть членов семьи Романовых в ходе Гражданской войны покинула Россию, то золотой кубок был вывезен в Европу среди других ценностей императорской семьи. После этого, в период с 1920 по 1934 гг. золотой кубок был приобретен антикваром С. Булгари у кого-то из Романовых. Тогда же для хранения золотого кубка изготовили кожаный футляр. Затем золотой кубок, выполненный «в восточном вкусе», приобрел король Египта. С большой долей вероятности можно предположить, что исследуемый золотой кубок является ценнейшим художественным артефактом, редчайшей вещью музейного уровня, вышедшей из мастерской знаменитого ювелира И. Позье. Очень хотелось бы верить, что золотой кубок вернется в Россию и займет свое достойное место в коллекции Государственного Эрмитажа.

SUMMARY

This article is dedicated to the attribution of the golden chalice, stored in the collection in the Turkish Republic. With a high possibility we can insist on the fact of the work by jeweller J. Posier in the March 1760 — December 1761 in Russia: this hypothesis was proved by specialists of the State Hermitage, the Louvre Museum, Kunsthistorisches, Topkapi Palace, Etnorafya, V & A museums by gemmologic, art critical and historical expertise. Elizabeth, Empress of Russia, intended to present this chalice as a diplomatic gift to the French ruler Louis XV in the 1760-s, but it had remained in Russia till the April of 1919. In the time of the Civil War a member of Romanov family emigrated from Russia to Europe with the golden masterpiece. Thus, this goblet was sold to an antiquarian S. Bulgari in 1920–1934. In the same period special leather case was made for the chalice. A little bit later the chalice due to its «Oriental style» was bought by ruler of Egypt. Now this golden chalice is in Turkey. We can assume that the depicted chalice was made in the famous goldsmith shop by J. Posier. It is valuable masterpiece of jewellery art and rare museum piece. I trust the Golden Chalice will be returned to Russia to be displayed in the collection of the State Hermitage.